

ДИСКУССИИ

УДК 910 + 911.5

Ю. Г. ТЮТЮННИК

Государственная академия руководящих кадров культуры и искусств
Министерства культуры и туризма Украины, г. Киев

ОНАСЛЕЖИВАНИЕ ЛАНДШАФТА

Предложено и обосновано новое для отечественной теории сбережения культурного и природного наследия понятие «онаслеживание». Раскрыта его суть и показана связь с ландшафтной концепцией. На конкретных примерах продемонстрирована эффективность применения методов онаслеживания ландшафта в исследовательской практике.

Ключевые слова: наследие, культурный ландшафт, краеведение, памятники архитектуры.

The notion of "inheritation", a new concept for the national theory of preservation of the cultural and natural heritage, is suggested and substantiated. Its essence is described, and its relation to the landscape concept is shown. The efficiency in the use of the methods of landscape inheritance in the research practice is demonstrated with particular examples.

Keywords: heritage, cultural landscape, regional studies, architectural monuments.

Вынося в академическом журнале в заголовок статьи неологизм «онаслеживание», автор рискует: это нарушение правил научного дискурса. Однако существует объективная необходимость идти на такой риск: в англоязычной литературе бытует термин heritagization of space («онаслеживание пространства»), а развитие отечественного ландшафтоведения за последнее десятилетие приобрело отчетливый «крен» в проблематику наследия, и эта тенденция с каждым годом усиливается. Понятие heritagization of space означает «процесс, основанный на переинтерпретации окружающей среды» [1, с. 196].

Претензии на столь глубокий смысл терминологической новации возникли не на пустом месте, а стали итогом более чем полувековой эволюции философско-методологических рефлексий, впервые описанных философами так называемой франкфуртской школы [2]. Они выступили с резкой критикой концептуальных основ прогрессистского понимания рационализма, сложившегося в эпоху Просвещения, и показали, что эта эпоха вступила в фазу завершения. Новейшие философско-методологические рефлексии (в частности постмодернизм) подтвердили правильность сделанного ранее прогноза. Один из важных моментов нынешнего состояния кризиса прогрессистского дискурса — то, что в философии и методологии усиливаются консервативистско-охранительные тенденции, что проявляется, в частности, в усилении внимания к герменевтическим, феноменологическим, историко-культурологическим, социально-гуманистическим, эстетическим методам исследования и интерпретации эмпирических данных.

В таком контексте всплеск внимания к проблематике наследия, наблюдающийся практически во всех естественных и, конечно же, гуманитарных науках, выглядит вполне закономерным. Эта проблематика, спокойно и размерено разрабатывавшаяся в памятниковедении и культурологии десятилетиями, в начале XXI в. как-то вдруг и сразу возымела особое общественное звучание и резонанс, вошла в практику работы самых разных производственных структур, государственных и наднациональных учреждений и общественных организаций, приобрела не свойственную ей ранее комплексность. Но самое главное в нынешнем подходе к проблематике наследия — это его качественно иной, ретроспективистский вектор научного поиска. Окружающее человека пространство начинает восприниматься уже не столько как пространство рационалистического покорения и завоевания, сколько как пространство знаков, символов и текстов, которые необходимо правильно прочесть, понять и сохранить во избежание разрушения и культуры, и природной среды этим самым пресловутым прогрессом.

УРОВНИ ОНАСЛЕЖИВАНИЯ ЛАНДШАФТА

Для ландшафтоведа пространство — это ландшафт, поэтому мы и считаем возможным говорить об онаслезивании не пространства, а именно ландшафта. Ландшафт как объект онаслезивания выгодно отличается от пространства тем, что дает возможность подойти к проблеме комплексно уже с первых шагов, на стадии идентификации объекта наследия. Обычно специалисты-отраслевники поступают наоборот: сначала выявляют отдельные объекты наследия (по сути, элементы и компоненты ландшафта), а потом тем или иным образом связывают их между собой, комплексируют. Часто это вызывает искусственные методические трудности.

Так, например, сегодня много споров вокруг понятия «памятник градостроительства» [3]. Но достаточно заменить эту категорию на понятие «городской ландшафт», и многие дискутируемые моменты отпадут сами собой. Исследователи школы Ю. А. Веденина недавно всесторонне продемонстрировали достоинства ландшафта как объекта наследия [4], а М. Е. Кулешова показала, что категория «ландшафт» в очень многих случаях содержится «в скрытом виде» среди объектов Всемирного культурного наследия, т. е., хотя о ландшафте как таковом и не говорится прямо, онаслезивается именно он, а не отдельно взятый архитектурный или исторический объект [5].

Принимая ландшафт в качестве «центральной» категории онаслезивания, мы отнюдь не исключаем из этого процесса остальные возможные категории и подходы, а только органически увязываем их с ландшафтоведческими. Это увязывание двояко. С одной стороны, все «доландшафтные» объекты онаслезивания интерпретируются как ландшафтные элементы и компоненты. С другой, «надландшафтные» объекты онаслезивания могут рассматриваться как ландшафтные системы и комплексы или же объединяться в ландшафты более высокого таксономического ранга.

На первом («доландшафтном») уровне речь идет об онаслезивании отдельно взятых или объединенных в группы ландшафтных компонентов и элементов, в число которых, согласно концепции биосоциального и техногенных компонентов ландшафта [6], входят и сам человек, и все разнообразие его артефактов. Выявление и охрана наследия на этом уровне традиционны. В памятникоохранной сфере сосредоточено большинство отраслевых наработок и разного рода памятников — природы и народного быта, архитектуры и градостроительства, истории и культуры, науки и техники и др. Относительная новизна ландшафтоведческого подхода заключается в их интерпретации как элементов и компонентов ландшафта [7].

На втором уровне объектом онаслезивания выступает сам ландшафт. Здесь возможны два подхода, методологически основывающихся на хорошо известных из классического ландшафтоведения способах идентификации и интерпретации ландшафтов: «снизу» и «сверху». Методически проще работать «снизу»; ландшафт превращается в объект наследия, т. е. онаслезивается, тогда, когда количество его компонентов (элементов) — объектов наследия — достигает некоей «критической массы». Типичный пример: городской ландшафт исторического центра города, каждый второй дом которого — памятник архитектуры (в Украине таким недавно стал центр Львова, занесенный в Список Всемирного культурного наследия). Другой, противоположный, пример — участок леса из элитных вековых деревьев (дубы, сосны, кедры и др.); таких лесных участков, становящихся памятниками природы благодаря некоторому количеству старых деревьев, много, они представляют большую экологическую и духовную ценность для жителей близлежащего села, города, а то и всего района или области.

Метод «сверху» сложнее. Ландшафт, как текст, знак и символ, нужно «схватить» весь сразу, не как «конструкцию» из отдельных объектов-составляющих, а как целый объект, но уже иного, более высокого уровня восприятия и понимания. Процедура эта нетривиальная, но как раз именно при таком взгляде на ландшафт мы наиболее радикально отрываемся от линейного рационалистического дискурса и переходим в область герменевтики и феноменологии, противостоящих логике безудержного прогрессизма. Здесь важнее всего понять ландшафт [8]. При этом, как свидетельствует опыт культуры, например того же синтоизма [9], тотальная символизация и текстуализация ландшафта как целостности вовсе не представляют собой процедуру для «избранных», она достаточно проста, но требует определенного опыта, интеллектуального и эмоционального напряжения, как бы иного взгляда — именно той переинтерпретации, о которой идет речь.

На третьем («надландшафтном») уровне в качестве объекта онаслезивания различаются ландшафтные системы и комплексы, хорошо знакомые из классического ландшафтоведения. Наиболее известные из них — парагенетические и парадинамические. Например, в геохимии ландшафтов это элементарные (катены) и каскадные ландшафтно-геохимические системы, ландшафтно-геохимические арены. Разумеется, в ландшафтных системах — объектах наследия, общность происхождения и массоэнергоперенос (в том числе экономического и технологического характера) как системоформирующие факторы и условия свое значение сохраняют. Но появляются и свои специфические, или же причина «общность происхождения» может сильно видоизменяться. Одна из специфических причин возникновения парагенетических ландшафтных систем — перенос (дрейф) символов. Поясним на примере.

«Шедевром классицистической дворцовой архитектуры Украины, — пишет известный украинский архитектор Ю. С. Асеев, — является дворец Разумовского в Батурине (Черниговская обл.), построенный Чарльзом Камероном в 1799—1803 гг. На холме над рекой Сеймом, среди типичной украинской природы стоит типичная паладианская вилла, точно перенесенная из Италии... От архитектуры здания веет холодным мастерством архитектора, далекого в своем творчестве от каких-либо национальных традиций, которые, впрочем, очень трудно отыскать в классических постройках» [10, с. 52].

Здесь идет речь именно о переносе символики одного места в другое, для которого она совершенно не свойственна. Учитывая тот факт, что архитектурное и ландшафтно-архитектурное творчество представляет собой важнейший род человеческой деятельности, насыщающий ландшафт символами и создающий ландшафты-символы, парасимволические ландшафтные системы играют весьма важную роль при переинтерпретации пространства в координатах наследия.

Следует упомянуть также об очень распространенном классе своеобразных «неполноценных», квазиландшафтных систем и комплексов, которые вынуждены конструировать и рассматривать в качестве объектов наследия исследователи, не признающие за человеком и его артефактами статуса полно- и равноправных ландшафтных компонентов (например, ландшафтно-исторические комплексы и культурно-исторические ландшафтные комплексы В. А. Низовцева [11]). Такие квазиландшафтные системы не являются особенностью «памятниковедческого» ландшафтоведения. Они в массе созданы в общем ландшафтоведении теми учеными, которые вместо собственно ландшафтов предпочитают иметь дело с разного рода человеко-техничко-ландшафтными системами и комплексами, мотивируя это тем, что общество — одно, а природа — другое. Это давняя ландшафтоведческая традиция, кстати, вполне прогрессивистского характера, как в свое время однозначно засвидетельствовала известная работа В. С. Лямина [12], а также многочисленные публикации А. Г. Исаченко. К ней следует относиться с пониманием, поскольку со временем она себя изживает.

СПОСОБЫ И ОПЫТ ОНАСЛЕЖИВАНИЯ ЛАНДШАФТОВ

Способов, с помощью которых ландшафт, насыщаясь знаками, символами и текстами, сам превращается в знак, символ и текст либо же как феномен моментально «схватывается» в целом, множество. В работе по их изучению, упорядочению и применению в практике сбережения культурного и природного наследия есть место для всех, начиная от инженеров (исследование памятников инженерного искусства) и заканчивая служителями культов (церковное памятниковедение).

Работа ландшафтоведа в области онаслеживания, как и любого другого специалиста, имеет свою специфику. Ландшафтовед, как всегда, стремится объять необъятное, во все вникнуть, все «затащить» в ландшафт. Опасности дилетантизма здесь, конечно же, не избежать. Но с другой стороны, кто лучше, чем ландшафтовед (ландшафтовед-памятниковед), сможет «прочитать» пространство как текст-предметность — текст-наследие? А ведь в передаче текстов во времени с их дополнением каждым новым поколением и состоит феномен культуры.

В данной статье мы хотим представить опыт собственного ландшафтно-памятниковедческого прочтения пространственного текста, которое выполнено с одной методической новацией — тотализацией этого текста. Прием тотализации заключается в том, чтобы при исследовании территории с целью выявления актуальных или потенциальных объектов наследия ничего не упустить из виду. То есть, ландшафт как текст считывается тотально. Данный прием чем-то напоминает классическое краеведческое исследование. Разница заключается в том, что в его процессе за основу берутся факты или события, которые «привязываются» к территории, а при чтении ландшафта, наоборот, выявляются и идентифицируются территориальные феномены, которые затем увязываются с теми или иными фактами и событиями.

Отличие, хотя и малозаметное, но существенное: ведь за любым территориальным феноменом может «стоять» несколько совершенно разных событий. Он может обладать абсолютно различными, но одинаково ценными качествами, при этом выявить их можно, если только учитывать влияние окружающей среды, контекста. При краеведческом исследовании такое разнообразие чаще всего упускается из виду, при ландшафтоведческо-памятниковедческом именно его фиксация — главная задача. Методически это сложнее. Исследователю одновременно (по ходу маршрута, который исключительно плотен во времени) необходимо сориентироваться во всем круге вопросов и проблем, дат и событий, фактов и оценок, образов и интерпретаций относительно исследуемой территории, что, очевидно, не так-то просто.

На помощь может прийти прием, который И. И. Митин удачно назвал методом доминант [13]. Его суть проста. Выбирается какая-то одна группа текстуальных признаков, объективно доминирующих на территории, или же такая, в которой исследователь хорошо ориентируется. Она применяется ко всей территории, как бы «набрасывается» на нее. А затем к этой группе признаков привязываются остальные, менее выраженные или менее знакомые исследователю признаки, которые требуют уточнения, оценки и интерпретации.

В силу специализации автора в области индустриального наследия [14] в качестве доминантных были выбраны те признаки территориальных феноменов, которые относились к данной группе. В процессе работы выяснилось, что объекты индустриального наследия на изучаемой территории также и наиболее распространены в сравнении с объектами наследия иного рода (архитектурными, историческими, природными и др.). Последние рассматривались как связанные с индустриальными парадигмами: парадигматически, парагенетически, парасимволически, или же как природный или историко-культурный фон.

Районами исследования стали Попельнянский (2007 г.) и Андрушевский (2008 г.) районы Житомирской области Украины. Была поставлена задача объехать по максимально плотной сети маршрутов территорию районов с посещением и обследованием всех без исключения населенных пунктов. Полевые исследования дополнялись архивно-музейными, особое внимание уделялось заводским, сельским и школьным музеям. В обоих административных районах сосредоточено следующее количество населенных пунктов: один город (райцентр Андрушевка), три поселка городского типа, 81 село, четыре поселка сельского типа, девять станционных (железнодорожных) поселений.

Наибольшее значение для формирования индустриального наследия региона имеют сахарные заводы, которые можно рассматривать как исторические промышленные ландшафты. В пгт Червоное и с. Андрушки сахарные заводы работают. В г. Андрушевка и пгт Корнин они остановлены недавно. Ранее сахарные заводы существовали также в селах Иванков (1876–1928 гг.), Ходорков (1860–1920 гг.), Яроповичи (1859–1920 гг.). В настоящее время предприятия целиком или большей частью разрушены. Технологически (переработка мелясы) и исторически с сахарными заводами связаны спиртовые, их два — в г. Андрушевка (как винокурня известен с 1798 г.) и в с. Малые Мошковцы (1865 г.).

Наиболее простую ландшафтно-историческую структуру имеют сахарозаводские промузлы пгт Корнин и с. Андрушки. Корнинский (основан в 1866 г.) и Андрушковский (в 1860 г.) сахарные заводы окружены исторической гражданской застройкой — памятниками градостроительства (селитебными ландшафтами) — и комплексируются с заводскими прудами (антропогенно-аквальными ландшафтами). Как в производственной, так и в гражданской исторической застройке этих населенных пунктов имеются отдельные замечательные с архитектурной точки зрения здания и сооружения. Благодаря им, руральные ландшафты и ландшафтные комплексы «глубинки» насыщаются своеобразной индустриальной стариной, приобретают не характерные для сельской местности производственно-технические ритмы.

Сахарный (1844 г.) и винокурный заводы в г. Андрушевка основаны польским магнатом Бержинским. В 1869 г. А. Я. Терещенко выкупил андрушевское имение, земли и заводы, а в 1870 г. подарил все своему сыну. На сахарном заводе историко-архитектурную ценность представляют только сооружения 1880–1910 гг., выполненные в традиционном для промышленной архитектуры того времени «кирпичном» стиле. А на спиртовом заводе архитектурно ценны как здания терещенковских цехов, так и цех 1940-го года, выстроенный в конструктивистском стиле. К предприятиям примыкают селитебные городские ландшафты, сформировавшиеся под рабочей застройкой. Их следует считать памятниками градостроительства.

В старых при заводских ландшафтах встречаются также неординарные сооружения, представляющие собой памятники строительства (использование редких стройматериалов) и архитектуры (образцы «кирпичного» стиля, неоклассицизма и конструктивизма). Вероятно, конструктивистские «эксперименты» в гражданском строительстве (например, клуб 1929-го года постройки) оказали влияние — по типу символической парагенетической связи — на промышленную архитектуру спиртзавода (к 1940-м гг. конструктивизм властями уже не поощрялся, однако в удаленных местах продолжал практиковаться).

С андрушевскими заводами функционально связано развитие транспортной инфраструктуры. В 1880–1890-е гг. городок обогатился красивыми краснокирпичными сооружениями депо, водонапорной башни, железнодорожной станции, жилых домов железнодорожников. К транспортному наследию следует отнести также антропогенные ландшафты железнодорожных насыпей и выемок, железнодорожный и деревянный автомобильный (памятник деревянного мостостроения) мосты.

Главное в Андрушевке то, что он тесно связан с семьей Терещенко. Крупнейшие российские предприниматели, одни из основателей сахарной промышленности Российской Империи, получив городок в вотчину, сразу же взялись за его активное обустройство. Н. А. Терещенко реконструировал сахарный завод, сделав его одним из передовых в России. В 1874 г. здесь работало 1190 чел., завод давал ежегодно 245 пудов сахара [15]. Было построено училище (1871 г.), реконструирован дворец Бержинских, которому придали черты французского неоренессанса. В 1880-е гг. вторично реконструирован сахарный завод и перестроен спиртовый, расширен усадебный парк.

Сегодня здесь можно наблюдать хорошо сохранившийся усадебный комплекс (дворец, парк, каналы, пруды), это памятник истории, охраняемый государством. Согласно новейшим исследованиям, усадебные комплексы представляют собой своеобразные историко-ландшафтные целостности [16]. По классификации, принятой в данной работе, они могут быть отнесены к памятникам — ландшафтными системам.

Поселок городского типа Червоное также тесно связан с семьей Терещенко. До них здесь хозяином был некий Адольф Грохольский, польский политик, член Сейма и участник Польского восстания 1863–1864 гг. В 1860-е гг. он построил в Червоном прекрасный замок в стиле неоготики, основал сахарный и винокурный (в примыкающем к поселку селе) заводы, которые в 1868 г. отошли семье Терещенко. В начале XX в. в Червоном обосновался внук А. Я. Терещенко — Федор Федорович. Молодой высокообразованный предприниматель увлекся воздухоплаванием и самолетостроением и в 1909 г. основал при заводе мастерские, вложив в предприятие более 150 тыс. руб.

Рядом с парком был разбит грунтовый аэродром площадью 41 га. В мастерских началось изготовление летательных аппаратов «Моран Сольнье», «Форман» и собственной конструкции — «Терещенко-5». В червоненских мастерских были сделаны важные изобретения в области самолетостроения: сконструированы новые типы крыльев — гибкое, допускавшее регулировку скорости при полете, и крыло с изменяющейся кривизной поверхности. На червоненском аэродроме в 1914 г. «...было положено начало распространению частного туризма в России на русском аэроплане» [17, с. 281].

Неожиданно для всех глубокая провинция превратилась в один из центров развития авиации Российской Империи. В Червоном бывали П. Н. Нестеров, Л. А. Галанчикова, И. И. Сикорский, В. Н. Хиони, А. Пишоф и другие пионеры российской авиации. Для приема авиационной элиты России в центре поселка был выстроен прекрасный особняк в «кирпичном» стиле. В 1914 г. Червоное получило заказ на изготовление двадцати военных самолетов. П. Н. Нестеров в начале войны приезжал сюда ремонтировать самолеты. Но с приближением фронта мастерские были эвакуированы в Киев, а позже, уже в ранге войскового передвигного завода, в Москву. В военных сводках 1916 г. говорится об обслуживании русской армии «поездом-мастерской Червоненского авиазавода Ф. Ф. Терещенко» [17, с. 289].

После 1917 г. центр авиации в Червоном перестал существовать, но жители поселка до сих пор помнят его славную научно-техническую историю и гордятся ею. Территория аэродрома сейчас застроена, но, как показал известный памятниквед Л. Е. Майстров, такие мемориальные места, даже если в них не осталось никаких материальных следов былых событий, также следует считать памятниками [18]. Архитектурно выразителен упоминавшийся «дом авиаторов», образец «краснокирпичного» стиля. Напротив также прекрасные и хорошо сохранившиеся здания в этом стиле — жилые дома работников сахарного завода, здание заводского клуба.

В других домах начала XX в. прослеживаются черты модерна. Исторические селитебные ландшафты Червоного имеют замечательную архитектурную выразительность. Градостроительная система поселка также включает в себя замок, старинный парк с искусственными прудами и вековыми деревьями и, главное, сам сахарный завод с хорошо сохранившимися фрагментами старинной промзастройки и техническими раритетами — механизмами и производственными предметами конца XIX в.—начала XX в. (они частично функционируют, а частично находятся в заводском музее). В общем, пгт Червоное в регионе наших исследований представляет собой своеобразный эталон разнообразия материальных и ментальных способов записи исторической памяти в окружающей среде.

Огромное историческое значение семьи Терещенко для современного Андрушевского района обусловило интересное явление: эта фамилия со временем стала символом территории и причиной формирования того, что В. А. Веденин называет ассоциативными культурными ландшафтами [4]. В с. Ивница есть удивительная по красоте усадьба XVIII в., принадлежавшая семье Шодуаров (С. И. Шодуар — известный ученый историк-нумизмат, М. С. Шодуар — не менее известный ученый-энтомолог). В старом парке — древние (до 300 лет) ели, ясени, клены; сохранилась колоннада в стиле ренессанс, внесенная в государственный реестр памятников истории и культуры, господский дом (начало XX в.). Недалеко от имени расположены костел (1839 г.), школа (1861 г.), старое (XVIII в.—начало XX в.) еврейское кладбище («тафальный» ландшафт [19]). Где-то на крутых склонах долины ручья, почти в центре села, народная молва «расположила» подземные лазы (норы), вырытые во времена гайдаматчины (1702–1775 гг.).

Все это составляет определенный историко-ландшафтный фон. Но фон чего? Объектов, связанных со знаменитым семейством сахарозаводчиков, в Ивнице нет. Но местное население их изобрело: имение Шодуара связало с фамилией Терещенко, не имевшей к нему никакого отношения. Возник садово-парковый ландшафт-ассоциация, а ивненцы таким оригинальным способом приобщились к известному и популярному имени-символу территории.

Аналогичная ситуация сложилась в с. Яроповичи. В этом населенном пункте ландшафтно-исторический фон не менее значим. Древнерусский город Яропович, юго-западный форпост Киевской Руси, известен из летописей с 1160 г., его остатки (городище) сохранились возле села. Здесь же в окрестностях берет начало р. Ирпень, ранее игравшая роль границы между двумя сильнейшими племенами древних русичей, давших нашим предкам государственность, — полянами и древлянами. Долина Ирпеня в окрестностях села и в самом селе — исторический природный ландшафт. В средние века с. Яроповичи было казачьим, с ним связаны многие важные исторические события. А в Новое

время тут выстроили сахарный завод, от которого сегодня остался только амбар — памятник промышленной архитектуры середины XIX в. Завод основан не Терещенко, а Товариществом свеклосахарных заводов «Яроповичи». Однако сельская молва приписала его семье Терещенко. С ней же связывают и принадлежавшую некоему помещику Ену усадьбу — старый парк (садово-парковый ландшафт) с системой искусственных прудов (антропогенно-аквальные ландшафты) и удивительным по красоте домом-срубом (1886 г.), выполненным в новорусском стиле с элементами полесского деревянного зодчества. Все это местное население стремится ассоциировать с семьей Терещенко, хотя Яроповичи ей не принадлежали.

Как видно из приведенных примеров, народное «символотворчество» очень активно и достаточно произвольно переписывает тексты культурных ландшафтов, сообщая им такую ассоциативность, какую считает нужной.

Сахарные заводы, как и любые производственные объекты, с одной стороны, наносят экологический ущерб окружающей территории. Но с другой, они повышают ландшафтное разнообразие региона: и сами по себе (в качестве не характерных для руральных территорий промышленных ландшафтов), и благодаря примыкающим к ним заводским прудам. Антропогенно-аквальные ландшафты прудов живописны, важны в рекреационном отношении, способствуют улучшению гидрологического режима, привлекают водно-болотных птиц, млекопитающих, пресмыкающихся и тем самым способствуют увеличению биологического разнообразия территории. В итоге индустриальное наследие трансформируется в природное.

Таковую же трансформацию можно проследить на примере прудов, образовавшихся в рыбководческом хозяйстве (особо распространены в бассейне рек Паволочка и Каменка на юге Попельнянского района) и вблизи водяных мельниц. Рыбководческие пруды, а также весьма оригинальные в геоморфологическом отношении прямоугольные рыбководческие чеки комплексуются с дамбовыми ландшафтами, которые очень живописны. Дамбы мельничных прудов менее красивы (по ним, как правило, проходят действующие дороги), но имеют архитектурную составляющую — строения водяных мельниц. Последние созданы чаще всего в «краснокирпичном» стиле, но встречаются и так называемые романские гомологии [14], примеры неоготики, неоренессанса, модерна и даже неоклассики 1950-х гг.

Хорошо сохранившиеся водяные мельницы обнаружены в пгт Корнин (1898 г.), селах Голубятин (1953 г.), Городковка (1908 г.), Жовтневое (1905 г.), Камени (дата неизвестна), Паволочь (1863 г.), Романовка (1914 г.), Строков (дата неизвестна). В с. Сушанка осталась полуразрушенная мельница (1954 г.), а в селах Ерчики, Кривое, Малая Пятигорка и Староселье — только фрагменты мельниц (жернова, остатки машин и каменной кладки). Раньше водяных мельниц в регионе было намного больше, в некоторых селах даже по две-три. Их все следует считать художественно ценными элементами ландшафта, объектами одновременно и агропромышленного, и архитектурного, а иногда и исторического наследия.

Что касается железнодорожного наследия (транспортные железнодорожные ландшафты), то кроме упомянутых выше железнодорожных объектов Андрушевки обращают на себя внимание небольшие станции ветки Фастов—Житомир—Корнин, Скочище и Степок. К ним приурочены скромные, но исключительно элегантные сооружения маленьких железнодорожных вокзалов, возведенные в 1950-е гг. в стиле неоклассицизма. Около них нет населенных пунктов, поэтому они «играют» всеми оттенками своей ненавязчивой архитектурной красоты, которая в массовой застройке, возможно, стала бы незаметной, но здесь, в открытом ландшафте, она совершенно замечательна. Это наглядный пример влияния среды на объект наследия.

Образец горнопромышленного наследия (горнопромышленные ландшафты) — действующие гранитные карьеры с сопутствующими отвалами около сел Миролобовка и Королёвка. Они способствуют увеличению ландшафтного разнообразия территории, придавая ей «гористый» характер, а негативное экологическое влияние на окружающую среду этих объектов незначительно. Карьер около Королёвки, кроме того, представляет ценность как памятник истории горного дела в районе (заложен в 1894 г. итальянским предпринимателем Бертони), как интересный геоморфологический объект (здесь можно наблюдать очень четкие и правильные матрацевидные отдельности, характерные для гранитных интрузий), а также как часть важной рекреационной зоны, сформировавшейся на водохранилище Лесное.

Само водохранилище — памятник гидротехнического строительства. Оно считается одним из крупных водохранилищ Украины, создано в 1954–1955-е гг., имеет целый ряд сооружений, удачно вписанных в рельеф и оживляющих как аквальный, так и прибрежные ландшафты (дамбы, водоспуски, создающие искусственную «горную речку» и «водопад», остатки старой мини-электростанции и др.). Окруженное выходами гранитов, высокобонитетными дубовыми и смешанными лесами, имеющее чистейшую воду, водохранилище Лесное играет роль важного рекреационного узла, в прошлом — даже всесоюзного значения.

В очень многих населенных пунктах сосредоточены действующие или заброшенные старые амбары, тока, фермы, конюшни, сельские ремонтные мастерские и прочие объекты агропромышленного наследия. Чаще всего именно они, а также сельская церковь, иногда старая школа — вся историческая предметность, с помощью которой самоидентифицируются обитатели той или иной деревни. Например, в с. Ходорково, родине гетмана Левобережной Украины И. С. Самойловича, по одну сторону от главной сельской улицы в глубине застройки расположены остатки имения Левандовских с великолепно сохранившимися конюшнями второй половины XIX в. — образцами классицизма; а с другой стороны этой же улицы, также в глубине застройки, есть здание тракторной ремонтной мастерской (1968 г.) — образец неоклассицизма.

Из далеко не полного обзора тех знаков, символов, имен и дат, с помощью которых онаслеживается ландшафт, можно видеть, насколько разнообразны способы онаслеживания и его результаты. На «полюсах наследия» располагаются, с одной стороны, чисто естественные явления (биологическое разнообразие), не обозначенные культурой, с другой — исключительно символические феномены, не имеющие никакого реального предметного коррелянта в окружающей среде («терещенковские места» в Ивнице и Яроповичах). Ландшафтный подход к идентификации и прочтению наследия дает возможность просто и эффективно упорядочить это разнообразие, представляя его в форме ландшафтного. Сегодня это уже не теоретическая, как 30 лет назад [7], задача, а программа, зафиксированная в документах ЮНЕСКО и предусматривающая постепенное стирание принципиальных различий между культурным и природным наследием, переход к их восприятию как единой интегральной ценности [20].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Потаева Г. Р.** Ревалоризация объектов индустриального наследия и их использование в туризме // Науковий вісник Інституту дизайну і ландшафтного мистецтва Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв. — 2007. — Вип. 4. — С. 195–204.
2. **Хоркхаймер М., Адорно Т. В.** Диалектика просвещения: Философские фрагменты. — М., СПб: Медиум, Ювента, 1997. — 312 с.
3. **Прибега Л. В.** Пам'ятка містобудування: методологічна сутність // Праці центру пам'ятокознавства НАН України ті УТОПК. — Київ, 2005. — Вип. 7. — С. 3–13.
4. **Культурный ландшафт как объект наследия** / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. — М.: Изд-во Инта наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.
5. **Кулешова М. Е.** Культурные ландшафты в списке объектов Всемирного наследия // Изв. РАН. Сер. геогр. — 2007. — № 3. — С. 7–17.
6. **Тютюнник Ю. Г.** Расширение объектной базы ландшафтоведения и его последствия // География и природ. ресурсы. — 2004. — № 3. — С. 57–65.
7. **Боярский П. В.** Теоретические основы памятниковедения (постановка проблемы) // Памятниковедение. География, методология, практика. — СПб, М., 1986. — С. 8–31.
8. **Тютюнник Ю. Г.** Понимание ландшафта // Изв. РАН. Сер. геогр. — 1998. — № 2. — С. 30–38.
9. **Игнатович А. Я.** Буддизм в Японии (Очерк ранней истории). — М.: Наука, 1987. — 316 с.
10. **Асеев Ю. С.** Стили в архитектуре Украины. — Київ: Будивельник, 1989. — 104 с.
11. **Низовцев В. А.** Антропогенные и культурные ландшафты Центральной России (теоретические представления и методы исследования) // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия: Материалы 9-й Всерос. науч. конференции (Бородино, 16–17 ноября 2004 г.). — М., 2005. — С. 65–85.
12. **Лямин В. С.** География и общество: Философские и социологические проблемы географии. — М.: Мысль, 1978. — 309 с.
13. **Митин И. И.** Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. — Смоленск: Ойкумена, 2004. — 160 с.
14. **Тютюнник Ю. Г.** Объекты индустриальной культуры и ландшафт. — Киев: Издат.-печат. комплекс Университета «Украина», 2007. — 152 с.
15. **Історія міст і сіл Української РСР.** Житомирська область. — Київ: Гол. ред. Укр. рад. енцикл., 1973. — 726 с.
16. **Исаченко Т. Е.** Природно-культурные комплексы старинных усадеб в ландшафтах Санкт-Петербургского региона // Изв. РГО. — 2003. — Т. 135, вып. 2. — С. 1–14.
17. **Ковалинский В.** Семья Терещенко. — Киев: Пресса Украины, 2006. — 388 с.
18. **Майстров Л. Е.** Памятники науки и техники и их значение // Памятники науки и техники. — М.: Наука, 1981. — С. 2–32.
19. **Воловик В.** Тафальні ландшафти // Ландшафти і сучасність. — Київ, Вінниця, 2000. — С. 197–199.
20. **Мазуров Ю. Л., Пакина А. А.** Политика в сфере охраны наследия: современные инновации // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия: Материалы 9-й Всерос. науч. конференции (Бородино, 16–17 ноября 2004 г.). — М., 2005. — С. 264–287.

Поступила в редакцию 17 декабря 2008 г.